

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Он был спортивным
человеком и успел бы
перехватить нож. Но
не в том случае, если
был профессионал...*

Чингиз Абдуллаев

Тайна
венской
ночи

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Тайна венской ночи

«PEN-клуб»

2010

Абдуллаев Ч. А.

Тайна венской ночи / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2010 — (Дронго)

Красавица Вена, роскошный отель «Мариотт», канун Нового года... Знаменитый эксперт-криминалист Дронго приехал сюда, чтобы провести в узком семейном кругу любимый праздник. Но чужая беда перечеркивает все его радужные планы. Во время праздничного ужина в ресторане гостиницы убивают крупного бизнесмена Галимова. Тело с перерезанным горлом находят в туалете первого этажа. И никаких зацепок. Если, конечно, не считать нескольких фраз, прозвучавших за соседним столиком, которые сыщик случайно уловил краем уха...

© Абдуллаев Ч. А., 2010

© PEN-клуб, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чингиз Акифович Абдуллаев

Тайна венской ночи

Зло не вне, а внутри нас, оно пребывает в нашей душе. Мы излечиваемся от него с тем большим трудом, что часто даже не подозреваем, что были больны им.

Луций Анней Сенека

«Но вот мы и пришли к тому, с чего надо было начинать! – выкрикнул он очень живо и даже с долей восхищения, что опять неприятно меня поразило. – Совесть! Вот оно! Вы едва ли можете себе представить, какие я терплю муки, с тех пор как умер старик. Я живу под каким-то давлением. Не хочу произносить это страшное слово, которым мог бы обозначить то, что, возможно, я сделал, но оно постоянно во мне наготове, хочет вырваться, хочет быть высказанным... Видите, именно поэтому я и пришел к вам».

Хаймито фон Додерер.

«Истязание замиевых мешочков»

Глава 1

Все началось как-то необычно. Он летел из Москвы в Рим, чтобы встретить традиционное Рождество со своей семьей. В их семье было принято отмечать любые праздники, в том числе католическое и православное Рождество, мусульманский Рамазан и даже зороастрийские традиции Навруза, встречи Весны, о которых он рассказал своим детям. Но не всегда удавалось вырваться именно на праздники. Однако на этот раз все получилось. Он вылетел из Москвы еще двадцать третьего декабря, захватив с собой пачку непрочитанных газет, чтобы просмотреть их уже в Италии.

В бизнес-классе самолета почти не было пустых мест, все торопились отмечать праздники в Европе со своими семьями. Он взял «Коммерсантъ», начал просматривать первые страницы. Обычное приложение к этой газете он отложил в сторону, даже не подозревая, какую роль оно сыграет в его жизни в начале следующего года.

Самолет прибыл почти вовремя, если не считать небольшого опоздания. Еще через два часа он уже обнимал Джил. Она счастливо улыбалась, уже приученная к тому, что он в самый последний момент может отменить даже новогоднюю встречу. Дети были счастливы увидеть отца.

Он по-прежнему считал, что не имеет права подвергать их риску, вызывая в Баку или Москву, где он занимался своими расследованиями и проводил большую часть своего времени. Ему казалось, что так он надежней защищает свою семью от всех опасностей, которые могли их подстеречь во время его сложных расследований.

Во всем мире его знали под кличкой Дронго, которая уже давно сделалась нарицательным именем, вызывая смех и непонимание у непосвященных, гнев и ненависть у тех, кого он разоблачал, и одобрение с уважением у тех, кому он помогал.

На следующий день Джил обнаружила на столике цветное приложение к газете, которое она наскоро просмотрела. И обнаружила рекламу новогоднего праздничного ужина в венском отеле «Мариотт». Возможно, в итальянском журнале она бы не стала даже обращать внимание на подобные сообщения, но это приложение было на русском языке, а ей всегда было интересно читать все, что могло заинтересовать ее супруга. К тому же она все время совершенство-

вала свой русский язык. Еще через два часа она задумчиво сказала, что было бы прекрасно отправиться в Вену, чтобы встретить там Новый год. Через час она позвонила в туристическое агентство по указанному номеру, чтобы узнать про оставшиеся места. А к вечеру уже подтвердила резервацию четырех мест в венском отеле «Мариотт» и мест в ресторане для новогоднего ужина.

Он сразу согласился с ее выбором. В конце концов, его образ жизни и постоянное отсутствие выработали у него своеобразный комплекс вины за свою профессию и за дело, которым он занимался. Разумеется, он никогда не говорил об этом ни Джил, ни детям. И часто не признавался даже самому себе, оправдываясь сложившимися обстоятельствами и уже устоявшимися правилами, которые он, в общем, сам и придумал.

Двадцать девятого декабря они вчетвером вылетели в Вену из Рима. Полет проходил нормально, благо лететь было около двух часов. В Вену они прибыли примерно к пяти часам вечера. В эти декабрьские дни здесь рано темнело. У выхода должна была ждать заказанная ими машина. Когда они получили багаж и вышли в общий зал, к ним шагнул молодой человек.

– Простите, – сказал он по-русски, – я, кажется, не ошибся. Вы тот самый господин Дронго?

Дронго шагнул вперед. Эта вечная привычка защищать своих ближних. Вставить между ними и любой возможной опасностью. Подсознательный мужской поступок. Откуда этот неизвестный знает о нем и почему говорит по-русски?

– Кто вы такой? – спросил Дронго.

– Я уполномочен вас встретить, – пояснил незнакомец. – Меня зовут Евгений. Я из туристического агентства, ваш водитель.

– Мне казалось, что вы будете говорить по-немецки, – усмехнулся Дронго.

– Нам сообщили, кто именно едет, – пояснил водитель. – Вы ведь заказывали номера в отеле через наш московский филиал. Я отвезу вас в «Мариотт».

– Действительно, все так просто, – усмехнулся Дронго, – где ваша машина?

– Давайте ваш чемодан, – попросил Евгений, – у меня мини-бус «Мерседес». Пойдемте, я проведу вас.

Они прошли к стоявшей на стоянке машине. Когда автомобиль тронулся, Евгений спросил:

– Вы, наверно, не в первый раз в Вене?

– Нет, – ответил Дронго, – далеко не в первый.

Он не стал оглядываться на Джил и детей. Разве сейчас можно вспомнить, что произошло с ним и Натали почти четверть века назад? Как давно это было. В прошлой жизни, когда все было совсем иначе. Неужели прошло столько лет? Он незаметно вздохнул. Но больше ничего не добавил. Ехать было недалеко, «Мариотт» находился в центре австрийской столицы, а до аэропорта отсюда можно было добраться за полчаса. Когда они подъехали к отелю, Евгений помог выгрузить багаж и вдруг тихо обратился к Дронго:

– Извините, что я вас спрашиваю. Но вы действительно тот самый Дронго?

– Меня обычно так называют, – кивнул он.

– Говорят, что вы самый известный сыщик в мире, – добавил Евгений.

– Это всего лишь слухи. А как все-таки вы узнали, что это именно я? Ведь мы заказывали номера в отеле по моим паспортным данным.

– Ваше имя и фамилия хорошо известны в Москве, – пояснил Евгений. – Можно я попрошу у вас автограф?

– Я не звезда шоу-бизнеса, – усмехнулся Дронго, – но раз вы хотите – пожалуйста. А как вы меня узнали в аэропорту?

– Вас трудно с кем-то перепутать, – улыбнулся Евгений, – это почти невозможно. С вашим ростом и внешностью.

– Значит, я плохой сыщик, – рассмеялся Дронго, – Шерлок Холмс мог переодеваться и маскироваться так, что его не узнавал даже доктор Ватсон, а меня вы узнали сразу.

– Какой у вас рост? – спросил Евгений.

– Почти баскетбольный. Метр восемьдесят семь.

– И вы считаете, что вас можно с кем-то спутать?

– К сожалению, вы правы, – он расписался на листке бумаги и протянул его Евгению.

Они вошли в просторный холл отеля. Отель «Мариотт» считался одним из лучших в австрийской столице. Он был известен своей великолепной крытой галереей, через стеклянную крышу которой проникал дневной свет. Все большое пространство первого и второго этажей, на которые вела роскошная винтовая лестница, было заполнено магазинами, кафе, барами, холлами для отдыха. Отель находился в идеальном месте – напротив парка, в котором стоял памятник играющему на скрипке Штраусу, ставшему символом Вены.

Дронго подошел к стойке, чтобы зарегистрироваться. Перед ним стояла респектабельная пара. Им обоим было под сорок. Или немного больше. Мужчина был довольно высокого роста, худощавый, с маленькими глазами, крупным носом, похожим на клюв, и редкими темными уже начинающими седеть волосами. Его спутница выглядела вполне эффектно в норковом манти и сумочкой от «Chanel». У нее были красные волосы, очевидно выкрашенные именно в этот цвет, и светлые глаза. Волосы были аккуратно уложены в довольно пышную прическу.

– Мне нужен номер с видом на улицу, – громко потребовал незнакомец. Он говорил по-немецки с очень характерным акцентом. Так обычно говорят восточные славяне.

– Мы предоставим вам номер с видом на парк, – сожалеюще ответил портье, – не беспокойтесь, герр Яцунский, если бы вы заказали номер раньше, то мы оставили бы для вас ваш обычный съют. Но сейчас Новый год, и все номера уже давно зарезервированы.

– Безобразие, – сказал уже по-русски Яцунский, оборачиваясь, очевидно, к своей супруге, – что ты думаешь, Инна?

– Ничего, – пожала она плечами, – все как обычно. Тебе нужно было позаботиться об этом заранее. Или предупредить Злату. Ты напрасно платишь ей такие деньги. Она в качестве твоего помощника явно не справляется. После того как ты уволил Клавдию Николаевну и взял эту молодую вертихвостку, у тебя все идет не так. Клавдия Николаевна всегда предупреждала тебя заранее, и ты никогда ничего не забывал. А эта особа...

– Хватит, – гневно перебил ее муж, – нас могут услышать. Ты иногда забываешься, Инна.

– Я уже не имею права критиковать эту особу? – нервно спросила супруга. – Или ты считаешь, что я должна молчать? Может, ты платишь ей не только за работу, а еще и за другие услуги?

– Замолчи, – сказал, с трудом сдерживаясь, муж, – сейчас нам оформят номер, и мы наконец поднимемся. Хватит устраивать безобразные сцены по поводу и без повода.

– Нам надо было еще взять ее с собой, – отрезала Инна, – как это делает твой напарник, который возит за собой всю свою свиту.

– Это не наше дело, – отрезал Яцунский, невольно оглядываясь на Дронго, – не забывай, что мы прилетели сюда встречать Новый год, а не обсуждать его поведение.

– Его ты боишься больше, чем меня, – все же успела прошипеть супруга.

Муж покачал головой, ничего не сказав. Он получил две карточки-ключа и пошел к лифту, попросив доставить багаж в его номер.

Дронго проводил эту сварливую семейную пару насмешливым взглядом. Ему всегда было непонятно, как можно жить вдвоем, устраивая такие откровенные сцены друг другу. Или вообще жить с человеком, с которым можешь столь кардинально расходиться во взглядах. Он часто задавал себе подобные вопросы, особенно в последние годы. Может, на их отношениях с Джил сказывались его постоянные отлучки и на скандалы им просто не хватало времени? Но

для того, чтобы поссориться и высказаться, достаточно иногда и одного дня. Дело было не во времени. Дело было в принципах построения семейной жизни.

Он подошел к стойке. И обратился к портье на английском.

– Мы заказывали два смежных номера с общей дверью, – сообщил Дронго.

– Да, – кивнул портье, – все правильно. Но дело в том, что мы не можем их вам сейчас предоставить.

– Почему? У нас был принят предварительный заказ.

– Мы держали для вас два номера, – извиняющимся тоном пояснил портье, – но дело в том, что один из номеров должен был освободиться именно сегодня, а проживающий там гость решил остаться и встречать в «Мариотте» Новый год. Мы не можем его выселить и поэтому предоставим вам два номера рядом. Буквально рядом, через один номер.

– Вы меня не поняли, – нахмурился Дронго, – мы приехали всей семьей отмечать Новый год и хотели бы иметь два смежных номера.

– Но наш гость передумал выселяться и за сутки до своего окончательного расчета попросил продлить его пребывание еще на несколько дней, нам очень жаль. Мы никак не ожидали, что подобное может произойти. Но ваши номера будут рядом. Через одну дверь.

Дронго оглянулся на свою семью. Дети уже довольно большие. Они могут обойтись и без постоянного присутствия родителей.

– Хорошо, – сдержанно согласился он, – а кто будет жить в этом номере, который для нас так и не смогли освободить?

– Мистер Дьюла Фаркаш, – любезно сказал портье, – извините нас еще раз. Мы никак не ожидали, что он поменяет свое решение и захочет остаться у нас.

– Он ваш постоянный клиент?

– По-моему, нет. Просто он все заранее оформил, и мы не можем его выселить. Это не в наших традициях.

– Ясно. Какие у нас номера?

– Четыреста шестьдесят второй и четыреста шестьдесят шестой, с видом на улицу и парк. У вас очень хорошие номера класса «делюкс».

– Не пытайтесь меня успокоить, – пробормотал Дронго, получая карточки-ключи, – вы все равно сорвали нам полноценный отдых.

Кабины трех лифтов были оборудованы специальным устройством, не позволяющим посторонним людям подниматься на верхние этажи. Чтобы кабина лифта начала свое движение наверх, нужно было вставить карточку-ключ в специальное устройство и только после этого надо было нажимать нужную кнопку. На четвертом этаже вся семья вышла, направляясь по длинному коридору к своим номерам. Узнав, что они будут жить отдельно, дети были просто счастливы.

Чемоданы были распределены по двум номерам. Дронго вышел из своего четыреста шестьдесят второго номера, направляясь к детям. Между их номерами был номер четыреста шестьдесят четвертый. Он услышал громкие крики мужчин.

– Я позвал тебя специально, чтобы ты попытался убедить его, – гневно кричал по-русски мужчина с очень характерным грузинским акцентом.

– Не нужно меня в этом упрекать, – возражал другой, очевидно мадьяр, – я приехал сюда и из-за тебя тоже. Мой план поможет нам всем.

– А если он не согласится? Такой вариант ты исключаешь?

– Он должен согласиться. Я уже говорил с Яцунским, он согласен со мной.

– Иосиф Александрович только вице-президент компании, который всегда готов подставить ножку своему боссу. А президент у нас Анвар Галимов, и он может не согласиться с твоим предложением. Что ты тогда будешь делать? Расскажешь ему о том, что тебя поддерживает Яцунский, и этим окончательно испортишь их отношения?

– Не твое дело. Не кричи на меня, Давид. Я сам пытаюсь разобраться. Что-нибудь придумаем.

– Я тебе подскажу, что тебе нужно придумать. Найди пистолет и застрелись. Чтобы минимизировать наши потери. Или убей Галимова, может, тогда Яцунский примет твой план.

– Можно подумать, что тебе будет хорошо, если я застрелюсь.

– Нет. Но я хотя бы получу моральное удовлетворение.

«Кажется, эта компания приехала сюда не встречать Новый год, а окончательно разрушаться», – подумал Дронго, подходя к соседней двери. Он оставил себе карточки-ключи от обоих номеров, чтобы не стучать в двери. Уже входя в номер, он обернулся. По коридору шла молодая женщина лет тридцати – тридцати пяти. Блондинка, чуть выше среднего роста, одетая в спортивный костюм и белые кроссовки. Ее волосы были собраны на затылке. Возможно, она поднималась из фитнес-центра. На плече у нее было полотенце. Дронго намеренно задержался, вглядываясь в незнакомку. У нее были светлые глаза, тонкие губы, немного вытянутое лицо с прямым ровным носом. Улыбнувшись Дронго, она постучала в соседний номер, где так неистово спорили двое мужчин. Дронго вошел в свой номер и закрыл за собой дверь. Блондинка снова постучала. Ей наконец открыли дверь. Дронго прошел в глубь комнаты и прижал ухо к стене, стараясь услышать, что именно происходит в соседней комнате.

– Опять спорите? – услышал он голос блондинки. Она говорила с очень характерным немецким акцентом. – Вы так кричите, что вас услышат все соседи на этаже.

– Пусть слышат, – согласился Давид, – ему вообще не нужно было сюда приезжать. Я пытаюсь ему об этом сказать. Вероника, будет гораздо лучше, если вы все это ему объясните.

– Не нужно ничего объяснять, – сказала Вероника, – я думаю, что смогу убедить нашего большого босса, чтобы он помог нашему мажарскому другу. Конечно, это будет нелегко, но я полагаю, что мистер Фаркаш согласится выплатить мне соответствующее вознаграждение за мои посреднические услуги.

– Какое угодно, – быстро воскликнул Фаркаш, – но он может не согласиться. Я просто не знаю, что мне тогда делать.

– Не так громко, – прервала она своего собеседника, – нас могут услышать. Давайте спустимся вниз, выпьем кофе и обсудим наши дела. Иначе нас могут просто подслушать. Я видела нашего соседа. Такой высокий элегантный мужчина. А вдруг он понимает по-русски? Лучше не рисковать. Пойдемте вниз.

Дронго услышал сдавленный смех за своей спиной. Он совсем забыл о том, что в комнате дети.

– Кажется, наш отец решил вспомнить, что он сыщик, даже в этом отеле, – сказала, улыбаясь, дочь.

– Нет, это у него вошло в привычку, – добавил сын.

Дронго обернулся к детям, шутливо погрозил им пальцем.

– Не смейте меня критиковать. Я всего лишь хочу знать, кто ваши соседи.

– Они так кричали... наверное, какие-то ненормальные, – заметила дочь, – и кричали, по-моему, на русском языке. Хотя я и не прислушивалась.

Дронго промолчал. Он не будет говорить, что он не только прислушивался, но и подслушивал.

Глава 2

Вена – один из тех немногих европейских городов, в которых, кроме бурного прошлого, роскошных исторических памятников, запоминающихся архитектурных ансамблей и культурного наследия, есть нечто умиротворяющее, настраивающее на созерцательный лад. Если безумная жизнь Лондона, Парижа, Москвы и Берлина может понравиться энергичным, ищущим себя людям, то такие города, как Вена, Дюссельдорф, Кордова, Флоренция, Ницца, кажется, специально созданы для того, чтобы гостям было приятно в них расслабляться и отдыхать. А ведь какое прошлое было у Кордовы или Флоренции, когда-то бывших центрами всего цивилизованного мира! А Вена на протяжении веков была столицей одной из самых больших империй европейского континента, где часто определялась европейская и мировая политика.

Первые упоминания об этих местах датированы еще пятым веком до нашей эры, когда здесь поселились кельты. Через пятьсот лет, примерно в пятнадцатом году до нашей эры, римляне разместили здесь свой военный лагерь, названный Виндобона.

Через двести лет на месте военного лагеря появился город, который был назван, как и лагерь, Виндобоной. Однако еще через двести двадцать лет германские племена и гунны разрушают город, когда отступающие римские легионы вынуждены оставить эту территорию.

Мрак Средневековья накрывает эти земли, и на месте города остается только небольшое поселение. Еще через четыреста пятьдесят лет, в восьмьсот восемьдесят первом году, у поселения, называемого Венианом, сталкиваются первые отряды немецких баваров и пришедшие с востока мадьярские племена. Противостоянием немцев и венгров будет определяться развитие Вены на все последующие столетия. В девятьсот семьдесят шестом году, за двадцать четыре года до начала нового тысячелетия, которое с таким страхом и надеждой будет отмечать весь христианский мир, в этих местах воцаряется династия Бабенбергов. Но Вена пока всего лишь небольшой, ничем не примечательный городок, находящийся на границе «цивилизованного» немецкого маркграфства. Через двести лет Генрих Первый из династии Бабенбергов делает Вену своей резиденцией. Но город получит свое бурное развитие и деньги на это развитие только в конце двенадцатого века, когда Леопольд Пятый обманным путем захватит короля Ричарда Львиное Сердце, возвращавшегося из Крестового похода. Деньги, полученные за выкуп английского короля, которого коварным, неблагоприятным образом захватили в плен, нарушая все рыцарские законы, идут на развитие Вены, и вокруг города возводятся мощные крепостные сооружения, превращающие его в неприступную крепость, к тому же расположенную в очень удобном месте.

Поразительно, что сами венцы не любят вспоминать об этом не очень приятном факте собственной истории. Город был построен на неправедные деньги, полученные за выкуп христианского короля, к тому же героя, освобождавшего Гроб Господень в Святой земле и захваченного обманным путем.

Примерно через сто лет в этих местах начинается правление новой династии Габсбургов, которая станет не только одной из самых известных династий в мире, но и будет править в Вене на протяжении почти семи веков.

Уже в середине следующего века герцог Рудольф Четвертый Габсбург подделывает государственные документы и объявляет себя эрцгерцогом, а чтобы поднять престиж города, основывает Венский университет. А еще через пятьдесят лет Габсбурги впервые показывают свой характер, жестоко подавив выступление венских граждан и казнив бургомистра Конрада Форлауфа, попытавшегося напомнить им о городском самоуправлении.

Город переживет осаду турецких войск в тысяча пятьсот двадцать девятом году и шведских войск во время Тридцатилетней войны в тысяча шестьсот сорок пятом году. И хотя дважды ему удастся отстоять свои стены в неприкосновенности, еще через четверть века в город

придет страшная чума, жертвами которой станут больше семидесяти пяти тысяч горожан. И тогда Османская империя решит, что именно теперь можно нанести решающий удар. Двухсот-тридцатитысячное войско осадит Вену, в которой осталось только семнадцать тысяч защитников. Но произойдет чудо, которое так и не произошло веком ранее в Константинополе. На помощь Вене придет войско под руководством польского короля Яна Собеского, в котором, кроме немецких и польских рыцарей, будут украинские казаки, впервые появившиеся на берегах Дуная.

Именно после разгрома турок начинается возрождение Вены и ее превращение в великолепную имперскую столицу, так поражающую весь мир. Возводятся новые дворцы, Евгений Савойский громит турецкие армии, отодвигая их на восток, почти вся Венгрия присоединена к Австрии. И наконец на троне воцаряется Мария-Терезия, при которой проводятся многочисленные реформы, а Вена становится непререкаемым центром не только политической, но и культурной жизни Европы.

Ни одной книги не хватит, чтобы перечислить имена великих композиторов и музыкантов, творивших здесь. Их имена сделали бы честь любой стране. Кажется, что весь город пронизан музыкой, звучащей на всех площадях, во всех театрах. Наполеон дважды будет входить в город со своими войсками, но это закончится тем, что он возьмет в жены дочь австрийского императора, которая родит ему сына. А город, кажется, готов развиваться и дальше. Сносятся крепостные стены, проводится водопровод из горных источников. Вода такая чистая, что ее можно будет пить и в двадцать первом веке. Если бы Вена дала миру только семью Штраусов, то и тогда она могла занять свое особое место в мировой культуре. Но Вена дает миру столько известных музыкантов, что ее безоговорочно признают музыкальной Меккой мировой цивилизации.

Потом будет долгое и трагическое правление Франца-Иосифа, потерявшего за шестьдесят восемь лет почти всех своих родственников, среди которых его любимая жена, убитая террористами, его брат, расстрелянный в Мексике, его сын, покончивший самоубийством, и, наконец, его внучатый племянник, убитый вместе с беременной женой в Сараево. Последний великий император умрет в шестнадцатом году, уже в разгар Первой мировой войны. А еще через два года его многонациональная империя, насчитывающая пятьдесят миллионов человек, распадется, и небольшая Австрия останется на политической сцене как воспоминание о былом величии. А Вена станет не только городом увядшей славы, но и сумеет чудесным образом трансформироваться в одну из европейских столиц, в которой будет так комфортно и удобно проводить международные конференции и симпозиумы, где разместится ОПЕК и куда начнут приезжать миллионы туристов, чтобы еще раз услышать изумительную музыку, пройтись по площадям и паркам австрийской столицы, посидеть в многочисленных кафе и ресторанах, увидеть великолепие Бельведера и Шенбруна.

Тридцатого декабря в Вене стояла изумительная погода. Четыре градуса тепла, безветренно, безоблачное небо и прогревающее город солнце. В этот день все гости австрийской столицы наслаждались погодой, тогда как почти во всех странах Западной Европы стояли необычные холода и бушевали метели.

Утром за завтраком Дронго увидел вчерашнюю семейную пару, которая, вяло переругиваясь, направлялась к столикам.

Иосиф Яцунский заказал себе кофе без молока. Было заметно, в каком плохом настроении он вышел к завтраку. Супруга, положив себе немного рыбы и взяв фруктов, подошла к столику, снова что-то выговаривая мужу. Она, очевидно, следила за своим весом. На завтрак она вышла в обтягивающем сером платье и высоких сапогах. Яцунский поднял глаза, презрительно скривил губы, но не стал ничего отвечать ей.

«Поразительно, – подумал Дронго, – так не чувствовать своего мужа. Он явно не в настроении, а она еще и пытается окончательно вывести его из себя».

– Извини, – услышал он голос Джил, которая обращалась к нему, – ты о чем-то задумался. Официант спрашивает, какой чай тебе принести – зеленый или черный.

– Черный, – попросил Дронго. – А ты взяла себе, как обычно, кофе?

– Если хочешь, я тоже возьму чай, – улыбнулась она, – но я больше привыкла к кофе с молоком.

– Не нужно подстраиваться под мои вкусы, – пробормотал он.

– Принесите нам три черных чая и один кофейник, – попросила Джил, обращаясь к официанту. – Хочу, чтобы дети подстраивались под твой вкус, – с улыбкой сказала она. – Мне кажется, что я отвлекла тебя от каких-то размышлений. Извини, если помешала.

– Нет, я смотрел в угол, где расположилась вот эта пара. Посмотри налево, только осторожно, не поворачивай резко голову.

Джил чуть повернулась.

– Что ты о них думаешь? – поинтересовался Дронго.

– Он явно в плохом настроении, а у нее надуты губы. И лицо она немного подтягивала, это сразу заметно. И потом утром, на завтрак не обязательно так вычурно одеваться.

– Молодец, – улыбнулся Дронго, – ты просто настоящий сыщик.

– Кто они такие?

– Понятия не имею. Просто вчера они стояли за стойкой впереди нас, и я обратил на них внимание только потому, что они все время ссорились. Да и сегодня, кажется, с утра успели поругаться. Не понимаю, как так можно жить.

– И я не понимаю, – согласилась Джил. – Говорят, что женщина должна уступать, чтобы сохранить семью. Но, по-моему, это чушь. Как можно жить с человеком, и все время конфликтовать с ним. Гораздо лучше разойтись сразу.

– Люди живут вместе в силу разных причин, – задумчиво возразил Дронго, – психологически я тоже не представляю, как можно существовать рядом с человеком, с которым постоянно ссоришься. Но есть целый комплекс побудительных мотивов. Нежелание женщины разрушать семью, устоявшиеся привычки к семейной жизни, даже к такой, желание обеспечить детей, не оставлять их без отца или, соответственно, матери, финансовая поддержка супруга, другие очень весомые факторы в пользу сохранения семьи.

– И все время ругаться, – усмехнулась Джил. – По-моему, это неправильно. Лучше сразу поставить точку, чем сидеть друг напротив друга вот с такими недовольными лицами.

– Иногда супруги надоедают друг другу, – возразил Дронго, – и им нужно просто отдохнуть от своего партнера.

– Ты считаешь, что твои постоянные отлучки положительно стимулируют наши отношения? – поняла Джил.

– Во всяком случае, у нас остается меньше времени на выяснение всяких бытовых вопросов, – пошутил Дронго.

– Неправда, – она снова посмотрела в сторону супругов Яцунских, сидящих недалеко от них. – Послушайте, что я вам скажу, господин эксперт, – неожиданно произнесла Джил, – даже если вы всю оставшуюся жизнь проведете рядом со мной и никогда больше меня не покинете, и тогда мы не будем сидеть за завтраком вот с такими недовольными лицами. А если будем, то это будем не мы.

– А я тебя никогда и не покидаю, – почти искренне ответил он.

– Я знаю, – улыбнулась она. На ее глазах появилась предательская слеза. Она отмахнулась от нее, как отмахиваются от назойливой мошки. Часто заморгала, положила руку на его руку.

– Я до сих пор не представляю никого, кто мог бы быть отцом моих детей, – призналась она, – ни одного мужчины, который мог бы оказаться в этой роли.

Дети, сидевшие рядом, завтракали, не замечая ее жеста. Он сжал ей пальцы.

«Мы, все мужчины, настоящие свиньи, – с огорчением подумал Дронго, – ведь женщины любят гораздо сильнее. Более целно, отдаваясь целиком этому чувству. А мы можем позволять себе любые выкрутасы и потом уверять себя, что любим своих жен. Хотя почему – уверять? Мы их действительно любим. Но, очевидно, в силу вступают просто законы природы, толкающие любого самца к новой самке. Не притворяйся и не пытайся оправдываться. Я и не пытаюсь. Но абсолютно твердо знаю, что никогда даже не задумывался о том, что Джил мне может заменить другая женщина. Я не всегда был идеально верным партнером, в этом мой грех, но для меня она оставалась единственной в том смысле, что я не видел никого больше рядом с собой».

– Ты опять о чем-то задумался? – спросила она.

– Думаю, что ты права, – кивнул он, – и нашему союзу ничего не угрожает. В ближайшие годы.

– Это потому, что ты снова будешь уезжать? – лукаво спросила она, убирая руку.

– Это потому, что мы будем всегда хорошо относиться друг к другу, – поправил ее Дронго.

В зал вошел высокий мужчина. Он был одет в красно-синий пуловер, серые брюки, коричневые ботинки. Красивые густые каштановые волосы, чуть тронутые сединой, почти римский профиль, ровный нос, идеальные пропорции лица, серые глаза. Он, очевидно знал, что нравится женщинам. Улыбнувшись метрдотелю, которая любезно его приветствовала, он назвал свой номер, проходя к столикам с едой. Метрдотель проводила его восхищенным взглядом, подзывая официантку, чтобы она указала гостю свободный столик. Но гость отказался, пояснив, что его ждут. По-немецки он говорил вполне свободно. Он положил на тарелку немного еды и оглянулся в поисках свободного столика, затем неожиданно подошел к столику, где сидели супруги Яцунские. Увидев подошедшего, Иосиф Александрович сразу поднялся, а у его супруги изменилось выражение лица, став гораздо более любезным.

– Доброе утро, – улыбнулся подошедший, обращаясь к супругам по-русски, – как вы спали?

– Все прекрасно, – бодро ответил Яцунский, – а где ваша супруга?

– Спит, – пояснил незнакомец, – вы же знаете, Иосиф Александрович, что она обычно не спускается к завтраку. Заказывает себе в номер. А я по привычке завтракаю сразу после пробежки.

Он попросил официантку принести ему зеленого чая и широко улыбнулся ей, показывая свои красивые зубы. Она приветливо кивнула в знак согласия.

– Вот тебе образец великолепного мужчины, – слегка кивнул Дронго в сторону неизвестного, – судя по его одежде и особенно обуви, он богатый, красивый, молодой, уверенный в себе.

– Слишком уверенный, – возразила Джил. – Зубы у него искусственные, не настоящие. И улыбается очень фальшиво. На женщин смотрит оценивающе, словно рассчитывает их цену. Он слишком красив для мужчины. Мне такие слащавые никогда не нравились.

– Тебе не угодить, – рассмеялся Дронго.

– Анвар Кадырович, – услышал он, как обратилась к незнакомцу супруга Яцунского, – вы завтра поедете на экскурсию?

– Нет, – ответил он, – я был в Вене много раз. Мне не нужна экскурсия.

– А ваша команда? Они все сюда приехали?

– Давид приехал. Амалия тоже прилетела. И Руслан. В общем все, кто должен был прилететь и кого мы планировали сюда вызвать. А ваша Злата не смогла прилететь?

– Не смогла, – ответил Яцунский, почему-то отводя глаза.

– Она очень хотела, – ядовито прошипела Инна, – но не смогла.

– Очень жаль, – заметил Анвар Кадырович, незаметно подмигивая своему заместителю.

– И моему мужу тоже жаль, – снова не сдержалась Инна.

Иосиф Александрович нахмурился. Анвар Кадырович улыбнулся.

– Не нужно ревновать, Инна, – посоветовал он, – честное слово, они того не стоят. Нужно радоваться, если у вашего мужа хороший вкус и он нашел себе такую умную, деловую, красивую и исполнительную помощницу. Клавдия Николаевна была очень толковым помощником, но ее нельзя было оставлять у нас в компании. Это уже негативно влияло на имидж. Нельзя держать у себя пятидесятилетних помощниц, как в собесе или в районной управе. Нужны молодые, энергичные, симпатичные молодые женщины. Злата владеет двумя иностранными языками, очень эффектно смотрится, знает современный менеджмент, умеет работать на компьютерах. Сейчас другое время, дорогая Инна. А если муж немного увлечется своей помощницей, то и это неплохо. В конце концов, мы платим им такие деньги, что они могут оказывать нам некоторые услуги. Это, конечно, шутка, но поверьте, что именно я рекомендовал Злату вашему супругу и он здесь ни при чем.

Он говорил довольно громко, и Дронго слышал его монолог. Джил тоже услышала и все поняла.

– Он еще и циник, – сказала она, уже не глядя в их сторону, – почему-то все красивые мужчины либо дураки, либо циники. Либо то и другое.

– Можно подумать, все красивые женщины могут претендовать на Нобелевскую премию по физике или химии, – пошутил Дронго, – очевидно, Бог решает, что давать человеку. Либо внешность и мозги Эйнштейна, либо внешность топ-модели и, соответственно, ее мозги. Я бы выбрал Эйнштейна.

– А для меня? Ты бы хотел, чтобы я тоже была похожа на Эйнштейна? – спросила Джил.

– Не хотел бы. Меня вполне устраивает твой внешний вид.

– Красивые женщины не всегда самые умные, – повторила Джил. – Кем мне себя считать?

– Умной красавицей, – ответил он. – И вообще учти, что любая женщина оценивается прежде всего по мужчине, который находится рядом с ней. Если он дурак, значит, и она не самая умная женщина. Если умный, то, соответственно, и она не самая глупая. Хотя бывают исключения.

– Это комплимент мне или самому себе? – спросила она.

– Себе, безусловно, – ответил он. – Давайте заканчивать завтрак. По-моему, нам уже пора.

Он взглянул на часы. Посмотрел еще раз на столик, за которым расположились супруги Яцунские и Анвар Кадырович. Очевидно, они работали в одной компании, и подошедший позднее Анвар Кадырович был президентом компании. Дронго даже не мог предположить, насколько тесно переплетутся их судьбы на следующий день, во время новогодней ночи в столице Австрии.

Глава 3

В этот день они всей семьей гуляли по городу, ели знаменитые пирожные «Захер» в кафе на улице Грабен и обедали в одном из тех традиционных венских ресторанов, которыми так славился город. Вечером Дронго вышел немного подышать свежим воздухом, решив пройти в парк, расположенный на другой стороне улицы, благо погода была по-прежнему теплой и без осадков. Он перешел дорогу. Зимой можно было увидеть парк, находящийся на другой стороне. Уже весной это сделать было невозможно, так как голые деревья покрывались листвой и все пространство дороги закрывали высаженные в несколько рядов деревья. Он вошел в парк. У памятника играющему Штраусу всегда было много туристов, особенно японцев. Они почему-то полюбили этот памятник и все время пытались до него дотронуться. Закончилось это тем, что памятник в некоторых местах был просто протерт до основания, и тогда японское посольство взяло на себя ремонт памятника, покрасив его специальной желтой краской на радость всем туристам.

Дронго прошел к памятнику, затем свернул налево. Здесь было небольшое озеро, где отдыхали утки, лебеди и даже вороны. Он присел на небольшую скамейку, скрытую двумя зелеными елками, и почти сразу услышал торопливую речь человека. Голос показался ему знакомым. Характерный акцент, подумал он, характерный грузинский акцент.

– Я вас не понимаю, – говорил Давид, – почему вы оба молчите. Нужно либо уволиться, либо как-то решать свои вопросы.

– Нашему шефу это может не понравиться, – заметил его собеседник.

– Ну, тогда скажите хотя бы Иосифу Александровичу. Чтобы вместе придумать, как вам поступать дальше.

– Мы уже говорили ему о наших отношениях, но он советовал пока их не афишировать, – сообщил мужчина.

– И вообще мы не хотели никого беспокоить, – добавила женщина.

Они говорили по-русски. Оба собеседника Давида говорили свободно и без акцента. Очевидно, это был их родной язык. У мужчины голос был немного приглушенным. Несколько гортанным, не таким, как у Давида. Возможно, этот человек не был русским по национальности. Женщина, судя по голосу, была сравнительно молодой.

– У всех дурацкие причины для секретов, – в сердцах произнес Давид, – но это все равно ваше дело.

– Ты знаешь, какой у нас стол? – спросил мужчина.

– Восьмой, – вспомнил Давид, – нужно будет еще получить билеты на всю нашу ораву. Супруги Галимовы, супруги Яцунские, мы с тобой, наша Амалия, эта змея – фрау Вероника Вурцель, Дьюла Фаркаш и, конечно, наша «Главная дочь» со своим супругом Маратом Набатовым.

– Он ведь, кажется, посол в Германии? – уточнил его собеседник.

– И уже второй год. Что ты хочешь? Все правильно, так и должно быть. Когда твоя жена – дочь самого президента, то ты, конечно, можешь рассчитывать стать послом в Германии. По моему, все нормально, – рассмеялся Давид, – тем более что это ее третий муж и моложе ее на шесть лет.

– Бедная Рахилия, – вздохнула девушка, – мне ее даже жалко.

– Не нужно ее жалеть, – цинично заметил Давид, – это она может нас всех пожалеть. С самого рождения она была дочерью секретаря обкома, а сейчас вот уже сколько лет дочь президента. Сначала вышла замуж за своего однокурсника, потом быстро развелась. Говорят, что он был наркоманом, а у нее даже был выкидыш. Потом вышла замуж за какого-то бизнесмена. Этот погорел на своих связях с Международным валютным фондом. Оказался замешан в такой

крупной афере, что даже его тесть, президент, ничем не мог ему помочь. В дело вмешались международные структуры, даже Интерпол. Пришлось срочно разводить дочь с этим «проходимцем», хотя у них к этому времени был уже пятилетний сын. Между прочим, уголовное дело на него возбудили и в самой стране, так сказать априори, чтобы все видели «торжество справедливости». Ну и, конечно, чтобы не давать повода международным структурам упрекнуть саму страну в покровительстве обычному жулику. Пусть даже и близкому родственнику президента. Наш герой к этому времени благополучно скрылся и сейчас живет где-то в Латинской Америке. Не удивлюсь, если узнаю, что он в Европе. На самом деле все, кому нужно, прекрасно знают, где именно он находится, но делают вид, что не могут его найти, ведь уголовное дело по факту хищения многомиллионного транша МВФ еще не закрыто. Ну а третий муж был обычным служащим в каком-то министерстве. Говорят, что они познакомились случайно: его прикомандировали к «Главной дочери», когда готовили новый проект. Она к этому времени была уже заместителем министра культуры своей страны. Ну, он сделал все, чтобы ей понравиться.

Понравился. И стал сначала ее другом, как это называется, близким другом. Потом взяла в Министерство культуры начальником управления. Через некоторое время его перевели в Министерство иностранных дел, и она вышла за него замуж. Вот тогда он и получил свое назначение. Проработав в МИДе не больше трех месяцев, он сразу стал послом в Германии. Вот такие метаморфозы. А ты думаешь, Руслан, что все так просто? Нужно вовремя и удачно жениться. Сразу становишься дипломатом, послом и обеспеченным до конца жизни человеком.

– Не всегда все проходит так идеально, – возразил Руслан, – вспомни Чурбанова.

– Верно, – сразу согласился Давид. – Он тоже женился на дочери всемогущего генерального секретаря. Стал даже генералом, заместителем министра внутренних дел. А потом, сразу после смерти тестя, попал в тюрьму. И всем было понятно, что его просто подставляют, решив использовать вот таким образом. Чтобы зять генсека брал взятки? Зачем они ему? В его распоряжении был весь Советский Союз. Или вся милиция Советского Союза, что тоже неплохо. Только пальцем шелкни – и тебе принесут все, что ты захочешь. Но его нужно было посадить, чтобы устроить такое показательное «аутодафе». Вот его и посадили.

– Твой посол тоже может плохо кончить, – заметил Руслан.

– Очень даже может. Нельзя подходить к столь именитым особам так близко. Огонь, конечно, согревает, но иногда и обжигает. А если подойдешь совсем близко, то он тебя просто спалит.

– Ты у нас философ, – добродушно заметил Руслан.

– Я просто умный человек, – возразил Давид. – Давайте пойдем обратно в отель, а то становится холодно. По вечерам здесь холоднее обычного.

– Пойдемте, – согласилась молодая женщина, – действительно становится холодно. А вы думаете, что все придут?

– Обязательно, – убежденно ответил Давид, – даже Вероника. Она уже сняла номер в нашем отеле. Эта жадная стерва своего не упустит. Глядя на нее, понимаешь, как правильно написал Маркс: «Обеспечьте капиталу пятьсот процентов прибыли, и он ни перед чем не остановится».

– Вы сделали из нее прямо монстра, – рассмеялась женщина.

– Она такая и есть, – упрямо сказал Давид, – ради денег ни перед чем не остановится. Я не очень хочу встречать с ней Новый год, но ее уже пригласил сам Галимов.

– Одиннадцать человек, – подсчитал Руслан, – а кто будет двенадцатым за нашим столом?

– Понятия не имею. У меня список на одиннадцать человек. Но, возможно, Анвар Кадырович кого-нибудь пригласит. У него всегда есть «запасной вариант» на такой случай.

– А где мы будем сидеть? Где будет наш столик?

– Тоже не знаю. Нужно подойти в комнату, где выдают билеты и бронируют столики. Это на первом этаже, между магазином и кафе, легко найти. Наверное, будем сидеть где-нибудь на втором этаже. Но я не знаю, где находится восьмой столик.

– Быстрее бы все закончилось, – вздохнула молодая женщина, – так все надоело.

– Не нужно так говорить, Амалия, – сказал Давид, – мы приехали в прекрасный город на новогодний бал. Все хорошо. Нужно наслаждаться жизнью, оставив проблемы в прошлом году.

– А наша «Главная дочь» тоже живет в «Мариотте»? – уточнил Руслан.

– Конечно, нет. Она живет в «Империале», где селятся обычно все «коронованные особы». Пойдемте, пойдемте, а то действительно становится холодно. Нужно будет выпить что-нибудь согревающее.

Они поднялись и пошли в сторону отеля. Дронго осторожно встал, чтобы увидеть эту троицу. Давид был среднего роста, полноватый, рыхлый, в светло-коричневой дубленке. Волосы на круглой голове завивались кольцами. Руслан был высокого роста, в длинном пальто, ходил без головного убора. Дронго мог видеть его только со спины. Молодая женщина была в сером пальто, на голове беретка. Она была ростом чуть ниже Руслана, но выше Давида. У нее были высокие сапоги, которые смотрелись несколько вычурно с ее серым пальто.

Он снова направился к памятнику. Здесь суежилась новая группа японских туристов, каждый из которых мечтал сфотографироваться рядом со Штраусом. Несмотря на вечерний час, они шелкали своими фотоаппаратами, не скрывая восторгов. Дронго прошел дальше. Перешел улицу. И увидел, как к зданию отеля подъехал огромный «Майбах» с дипломатическими номерами. Выскочивший с переднего сиденья мужчина лет сорока быстро открыл дверь. Он был выше среднего роста, коренастый, широкоплечий, с выбритым черепом, похож на профессионального спортсмена или «качка». Обычно с правой от водителя стороны на заднем сиденье располагается посол или другое значительное лицо, согласно протоколу и правилам безопасности. А уже рядом с ним, с левой стороны сидит его супруга. Здесь все было несколько иначе. На месте посла сидела молодая женщина лет тридцати пяти – сорока. У нее было породистое лицо, зеленые глаза, чувственные губы. Небольшой нос был явно подвергнут пластическим процедурам. Несмотря на дурной тон, каковым считалось ношение мехов, на ней была шуба из шиншиллы, наверняка ценою в целое состояние. В руках она держала сумочку от «Hermes». Такие обычно делались по индивидуальному заказу и стоили не одну тысячу долларов. У нее было равнодушное, усталое выражение лица. Нет, даже не усталое. Такие пресыщенные лица бывают у людей, которых уже ничто не может удивить. Помощник поспешил подать ей руку, помогая выйти из салона автомобиля. С другой стороны вышел ее муж, очевидно посол, который улыбался, следуя за супругой. Было заметно, что, несмотря на все ее ухищрения, он выглядел гораздо моложе ее.

У него было круглое лицо, очки придавали ему интеллигентный вид, делая похожим на повзрослевшего Гарри Поттера. Вместе они вступили в просторный холл отеля «Мариотт». Дронго вошел следом. Женщина оглянулась на мужа.

– Нас никто не встречает? – спросила она по-русски.

Элита среднеазиатских государств обычно говорила по-русски. Дети первых секретарей и президентов часто говорили на этом языке даже лучше, чем на своих родных. Русский и английский являлись своеобразными паролями для детей новых элит.

– Не знаю, – несколько растерялся муж, взглянув на часы, – мы, кажется, подъехали немного раньше.

– Все равно они должны были ждать нас в холле отеля, – лениво заметила супруга посла. Она не была раздражена, ее просто удивляло отсутствие встречающих. Возможно, она уже давно перестала злиться по пустякам. Оглянувшись по сторонам, женщина сбросила свою шубу на руки помощнику, даже не посмотрев в его сторону, уверенная, что он подхватит шубу.

– Узнайте, в чем дело, – потребовал посол у своего помощника. Тот бросился к стойке портье, бережно прижимая к себе шиншилловую шубу. Но когда он еще только подходил к портье, из кабины лифта уже выходили супруги Галимовы. Муж был в вечернем темном костюме, его супруга – в длинном темно-синем платье. Они сразу направились к прибывшим. Супруга Галимова была среднего роста, миловидная, с характерным азиатским разрезом глаз. Ей было около тридцати, и она была заметно моложе своего мужа.

– Здравствуй, Рахилия, – поцеловала она прибывшую супругу посла.

– Здравствуй, Айша, – поцеловала и ее «Главная дочь». Очевидно, они были в хороших отношениях.

Мужчины обменялись друг с другом крепким рукопожатием, а затем каждый поцеловал супругу другого.

– Здравствуй, родственничек, – добродушно произнесла Рахилия, – вот мы и прибыли по твоему приглашению. Хотя «Империал» мне не очень понравился. Старый и пыльный. Нам дали съют, где останавливался Черчилль, но от этого номер несколько не стал лучше. Нужно жить в современных отелях. Говорят, что здесь есть неплохой «Хилтон Плаза».

– На Новый год все места уже забронированы, – напомнил супруг.

– Нужно позвонить нашему послу в Вене, пусть подсуетится, – равнодушно предложила Рахилия. – Ну, какая у нас на сегодня программа?

– Сначала поднимемся к нам, – предложил Галимов, – потом отправимся на ужин.

Все четверо двинулись к расположенным слева от стойки портье кабинам лифтов. Посол забрал шубу у своего помощника.

– Ждите здесь, – приказал он, махнув рукой.

Помощник согласно кивнул. Когда вся четверка скрылась за створками кабины лифта, он достал мобильный телефон. Набрал номер.

– Мы прибыли в «Мариотт», – сообщил он на своем языке. Дронго его понял. Все языки тюркской группы похожи друг на друга, и он хоть и не все, но все же понимал.

– Она встречается со своей троюродной сестрой и ее мужем, – добавил помощник. – Да, господин Галимов тоже здесь. Я все понял. До свидания.

Он убрал телефон в карман. В этот момент в холле появился молодой мужчина. Увидев помощника, он направился к нему. Дронго стоял недалеко и мог слышать их разговор.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался мужчина. Его мадьярский акцент сразу выдавал в нем господина Фаркаша, с которым разговаривал Давид и который жил в четырехста шестьдесят четвертом номере. Ему было под пятьдесят. Его волосы были подозрительно однородного каштанового цвета; очевидно, он их красил. Характерный мадьярский тип лица со слегка раскосыми глазами.

– Здравствуйте, господин Фаркаш, – радостно приветствовал его помощник.

– Вы уже привезли своих боссов?

– Обоих, – подтвердил помощник, – и главного босса, и нашего посла.

– Как у них настроение?

– Нормальное. Мы ехали через Прагу, сделали там небольшую остановку. Хотя нашему Главному Боссу там не понравилось. Она высказалась именно в таком роде. После Берлина Прага кажется слишком скучным и провинциальным городом.

– Как вы считаете, я смогу убедить их помочь мне?

– Нужно будет решить, как именно вам лучше с ними говорить, – осторожно предложил помощник. – Может, лучше поговорить сначала с господином послом, чтобы он согласился уговорить свою супругу помочь вам?

– Господин Баграмов, я согласен на все ваши условия, – сообщил Фаркаш, понижая голос, – как вы скажете, так я и сделаю. И можете не сомневаться, что я готов платить вам

хорошие деньги. Но мне нужен конкретный результат, чтобы они могли убедить господина Галимова.

– Я постараюсь, – кивнул Баграмов, оглядываясь по сторонам, – но ничего гарантировать не могу. Вы должны понимать, что нашей хозяйке может не понравиться такое вмешательство в дела бизнеса. А уговорить посла будет очень сложно.

– Вы не просто помощник посла. Вы еще и их доверенное лицо, личный телохранитель.

– Говорите тише. Наша хозяйка не любит, когда ей напоминают об охране. Она считает, что может появляться везде, где ей нравится, и не думать о своей безопасности. Об этом обязаны думать мы, но она не хочет, чтобы телохранители стесняли ее личную жизнь. В Берлине она просто берет машину и уезжает, не сказав никому ни слова. А нам иногда приходится искать ее по всему городу, – пожаловался Баграмов.

– Это понятно, – согласился Фаркаш, – но мне необходимо, чтобы вы мне помогли. У меня просто нет другого выхода. Господин Давид Модзманишвили вообще предложил мне застрелиться, что я наверняка и сделаю, если вы не сможете договориться с послом. Фройляйн Вурцель обещала помочь мне, но я ей не очень доверяю.

– Правильно делаете, – усмехнулся Баграмов, – таким дамочкам вообще нельзя доверять.

Дронго смотрел на него и думал, как меняются люди даже внешне. Этот Баграмов словно вырос после того, как ушли посол и его супруга. При них он был меньше ростом, суетлив – готовый на все исполнительный служака, смотревший на своих хозяев почти влюбленными глазами. А теперь, в их отсутствие, он превратился в этакого вальяжного господина, рассуждающего о том, как можно уговорить посла, и готового получить за свои услуги «соответствующее вознаграждение». Одним словом, это были два разных человека.

«Разве можно за это критиковать того или иного чиновника?» – подумал Дронго. Как много людей встречал он в своей жизни, которые продуманно льстили и угождали своим боссам и точно так же намеренно изошренно издевались над своими подчиненными, превращаясь в свирепых монстров.

Всегда удобно быть независимым творческим человеком или бизнесменом, не зависящим от настроения других. Но подобное могут позволить себе очень немногие. В основном каждый человек уже в молодости встраивается в какую-то вертикаль, в которой и движется с тем или иным успехом. Конечно, идеально, если человек свободен, имеет свои независимые взгляды и умеет их отстаивать. Но таких не любят и не ценят. Вертикаль безжалостна по отношению к подобным людям. Их неумолимо выбрасывают. Нельзя позволить себе говорить правду о своем начальстве, нельзя критиковать его решения, нельзя высказывать свое мнение, отличное от мнения непосредственного руководства. Только при соблюдении этих непеременимых условий можно выжить в вертикали власти и сделать себе карьеру.

В бизнесе немного иначе. Умный руководитель – а глупый просто не сможет возглавить крупную компанию – сразу понимает, что он должен выдвигать людей талантливых, смелых, умеющих мыслить независимо. Ведь дураки и подхалимы ему просто не нужны. Это обязательно скажется на его бизнесе – и, значит, на его личных интересах. А вот в вертикали государственной власти многие чиновники предпочитают добросовестных исполнителей независимым одиночкам, которые будут только раздражать их и мешать коллективу слаженно выполнять поставленные задачи.

Возможно, поэтому самые талантливые идут в творчество, самые умные – в бизнес, а самые терпеливые и амбициозные – в политику. У каждого своя дорога и своя судьба, которую, в конечном итоге, выбирает сам человек.

– Я подумаю, как лучше поговорить с господином послом, – пообещал Баграмов, – вы же завтра будете вместе встречать Новый год.

Они прошли дальше, в сторону кафе. Дронго направился к лифту.

«Интересно, – подумал он, – кажется, эта компания собирается встречать вместе Новый год. Здесь замешано столько интриг, что хватило бы и на целый год, чтобы с ними разобраться. Восьмой стол, – вспомнил Дронго. – Если учесть, что он вместе со своей семьей будет сидеть за пятым, то наверняка они окажутся недалеко друг от друга. Нужно будет уточнить».

Он повернул в глубь зала и направился к офису, в котором выдавали билеты на новогоднее торжество. Прошел мимо большого магазина сувениров и оказался у дверей офиса. Оттуда как раз выходил высокий мужчина. Он мельком взглянул на Дронго и прошел дальше. Сыщик вошел в офис и увидел двух молодых женщин. Одной было лет двадцать пять, другой – не меньше тридцати пяти. Обе женщины приветливо улыбнулись.

– У меня заказаны билеты, – сказал Дронго, обращаясь к ним по-английски, – нам говорили, что у нас пятый столик. Четыре места.

– Скажите, как вас зовут, – предложила одна из сотрудниц.

Он назвал фамилию и имя. Она быстро проверила данные по компьютеру и согласно кивнула.

– Пятый столик, – сообщила она, – я сейчас выдам вам ваши билеты.

– А где находится восьмой? – поинтересовался Дронго.

– Рядом с вами, – взглянув, ответила она. – Странно, что сегодня всех интересует именно восьмой столик. До вас сюда приходила молодая женщина, потом еще один гость, кажется, русский. Сейчас вот вы. Всем интересно, где находится восьмой столик.

– Наверное, за ним будут сидеть известные люди, – пошутил Дронго. – Спасибо за билеты.

– Приходите к восьми часам вечера, – напомнила ему женщина, – у нас будет очень хороший стол. И интересная программа.

– Обязательно, – улыбнулся он на прощание.

«Восьмой столик», – вспомнил он, поднимаясь на четвертый этаж. Неужели многим так интересно, где именно они будут сидеть? Да еще и с дочерью президента, что внесет дополнительную нервозность во встречу этого Нового года. Теперь он не сомневался, что двенадцатым гостем за столом будет именно этот телохранитель, выполняющий роль помощника, или помощник, выполняющий роль наблюдателя, или телохранитель, выполняющий роль своеобразного посредника.

Глава 4

На следующий день, тридцать первого декабря, должна была состояться экскурсия по городу, которую они заранее заказали на утро. Расчет был правильным: сначала отправиться на экскурсию по городу, затем к полудню освободиться, вернуться в отель, отдохнуть, отправить жену и дочь в парикмахерскую, и к восьми часам вечера быть уже в ресторане на новогоднем балу.

Сев в небольшой микроавтобус, они отправились на экскурсию по столице Австрии. Их гидом оказалась симпатичная молодая женщина по имени Екатерина. Она добросовестно рассказывала об истории Вены, ее достопримечательностях, показывала величественные сооружения австрийской столицы. Дронго, не раз бывавший в Вене, дремал, лишь иногда прислушиваясь к ее словам. Когда они подъехали к знаменитому дому Хундертвассера, разрисованному, как игрушечный домик, цветными квадратиками, гид предложила выйти и пройти в туристический центр, где можно было попробовать местное вино и купить сувениры. В центре было несколько магазинов, небольшое кафе и очень много туристов, которые толпились здесь, с любопытством разглядывая дом Хундертвассера. Дело в том, что в самом доме жили люди, которым, разумеется, не нравились толпы гостей, постоянно слоняющихся вокруг их дома и часто просивших показать им внутренние помещения. Поэтому было решено создать здесь подобный центр, в котором были воспроизведены основные внутренние помещения знаменитого дома, где гости могли любоваться и неровным полом, и причудливыми линиями стен, и буйными красками, придающими дому сказочно-карнавальное вид.

Фриденсрайх Хундертвассер был одним из самых известных художников Австрии двадцатого века. Свой творческий эксцентризм он выразил в картинах с изображениями постоянно повторяющихся спиралей. Одни считали его сумасбродом, другие – гением, а некоторые – просто сумасшедшим. Очевидно, истина всегда находится посередине, и гениальность любого художника сродни его безумию. Хундертвассер спроектировал жилой дом, который при его постройке казался просто очередной выходкой эксцентричного мастера, но стал одной из самых больших достопримечательностей Вены. Вместо железобетона он использовал кирпичи и дерево, считая их более естественным материалом, вместо пластмассы – керамику, придавая полу и стенам волнообразную поверхность. Чем-то он был похож на великого Гауди, который в Барселоне тоже отстаивал свои художественные принципы. Смотреть на такие дома очень интересно, но жить в них – довольно проблематично. Хотя Хундертвассер подтвердил свою репутацию нормального человека, когда во всех кухнях сделал ровный пол, пояснив, что на кухне пол не может быть изогнутым, ведь там часто проливаются различные жидкости.

Екатерина предложила им попробовать местное вино, которое по традиции выжимали со льдом. Оно оказалось превосходным, и Дронго с удовольствием приобрел две бутылки. Затем они попробовали соленые тыквенные семечки и тыквенное масло с очень своеобразным и приятным вкусом.

Неожиданно он услышал за спиной уже знакомые голоса.

– Я не знаю, Руслан, что мне делать, – признавалась молодая женщина, очевидно, Амалия, – ты должен понять меня.

– Мне кажется, что нам придется все сказать, – заметил Руслан.

– Не знаю. Мне так неприятно здесь быть. Я ведь знаю, что мне нельзя ничего говорить. Не слушай советов Давида. Он ненавидит нашего президента, считая его везунчиком. Он так и называет его за глаза – «везунчик», хотя Галимов, по-моему, об этом знает.

Дронго повернулся и посмотрел на говоривших. Еще довольно молодые люди. Руслану около тридцати, его спутница, наверно, еще моложе.

– Здесь такая давка, – пожаловался Руслан. – Можно подумать, что Анвара Кадыровича не любит только Давид. Наш посол в Германии, по-моему, тоже терпеть не может Галимова, учитывая его особенные отношения с родственницей своей жены.

– Не нужно об этом говорить, – испуганно произнесла Амалия, – это не наше дело. Мне нужно было, как Злате, остаться дома. Но я не смогла...

– Перестань думать о плохом. Сегодня Новый год, – напомнил Руслан. – Идем к машине, а то нас будут искать. А вот и Давид появился. Наконец-то он вышел из магазина.

Давид подошел к ним с пакетом в руках.

– Идемте быстрее, – сказал он, – а то опоздаем. У вас опять такие задумчивые лица, словно вы все время решаете какие-то теоремы. Я думаю, что это Фаркашу нужно ходить с таким лицом, а не вам.

– Не дай бог никому его проблем, – заметил Руслан.

– Вот именно. Идем быстрее, – Давид начал пробиваться к выходу.

Дронго проводил их долгим взглядом. Пока Джил и дети выбирали сувениры, он пригласил Екатерину на чашку кофе, попросив бармена сделать ему чай. Они сели за столик.

– Здесь интересно, – кивнул Дронго. – Поразительно, что я столько раз был в Вене и ни разу не заходил сюда.

– Это место создали специально для туристов, – улыбнулась она, – поэтому все гиды возят сюда наших гостей.

– Вы хорошо знаете город. – Это был не вопрос, а комплимент.

– Спасибо. Я люблю этот город. Тихий, спокойный, со своим особым климатом. Он так заметно отличается от многих европейских городов.

– Да, – меланхолично согласился Дронго, – очень заметно. Впрочем, это сейчас он такой милый и уютный, а когда-то он был центром тайной войны Востока и Запада. Самым знаменитым на земле «городом шпионов».

– Я это время не застала, – улыбнулась она.

– Ну и слава богу. Тогда было трудное время. Вечное противостояние двух систем. Как тогда говорили: «Вена – это центр тайной дипломатии между двумя мировыми державами». Все это закончилось с падением железного занавеса, хотя еще несколько лет спустя все еще продолжались «бои местного значения», – мрачно сказал он.

Откуда этой молодой женщине знать о том, что творилось в этом городе на протяжении последних тридцати или сорока лет двадцатого века? Как ей рассказать – почему погибла Натали и как две мировые сверхдержавы пытались сдерживать друг друга, не уступая ни на йоту своего влияния? Сейчас все это казалось давно забытой историей.

«С годами на человека давит груз ошибок и тяжесть воспоминаний. И чем больше таких ошибок и воспоминаний, тем труднее жить», – подумал Дронго. Может, поэтому старики бывают такими пессимистами и мизантропами. Они все уже видели, через все прошли, допустили свои ошибки и пережили свои трагедии, большие или маленькие. И оставшуюся жизнь должны жить с этим давящим грузом. Интересно, хотел бы он поменять всю свою жизнь? Вернуть все назад. Когда-то в Минске их посадили в машину и объявили, что отчисляются с курсов, тогда как на самом деле они были лучшими. Ощущение гулкой пустоты и разочарования запомнилось на всю жизнь. Потом им расскажут, что это тоже был психологический тест.

А если бы отчислили? Если бы тогда все получилось немного иначе? Что бы с ним было? Жизнь сложилась бы совсем по-другому. Или уже в начале восьмидесятых чувствовалась эта обреченность Советского Союза, его неминуемый распад и крах? Было очевидным, что так дальше жить нельзя. Но распад был слишком быстрым и болезненным. Погибло столько людей, произошли такие катаклизмы...

Точкой отсчета, возможно, был тот день, когда он заканчивал юридический факультет, и бывший министр внутренних дел, близкий знакомый его отца, категорически отказался брать

на работу молодого парня из интеллигентной семьи. Сейчас уже можно признаться, что тогда ему казалась романтической работа инспектора уголовного розыска или следователя милиции. Все получилось совсем иначе.

А потом была учеба в Минске, предприятия, которые называли «почтовыми ящиками», работа за границей, встреча с Натали и ее гибель. Неужели он хотел бы все повернуть обратно? Вернуть последние двадцать пять – тридцать лет?

Он поднял голову и увидел направляющуюся к нему улыбающуюся Джил.

«Нет, – решительно подумал Дронго, – ничего не надо менять. Ничего в своей жизни. Нужно было пройти через все, даже через смерть Натали, чтобы стать сильнее, осмысливая свой собственный жизненный опыт». Иначе он никогда бы не стал тем, кем стал теперь.

Джил подошла к столику.

– Очень интересное место, – восторженно произнесла она, – мне так понравилось!

– Мне тоже, – сказал Дронго, поднимаясь со стула.

В отель они вернулись к двум часам дня. Тридцать первое декабря всегда немного суматошный день, даже если вы проводите его дома. В конце концов, праздничный стол – это святое дело, а собираться всей семьей за этим столом тоже очень неплохая традиция. И даже если вы собираетесь справлять Новый год в ресторане или где-то в гостях, то и тогда тридцать первое декабря будет особенным днем, суетливым, праздничным, не похожим на другие дни ожиданием чуда.

Отдохнуть в номерах не получилось. Они ходили в номер друг к другу, каждый раз открывая двери своими ключами и возмущаясь, что их комнаты находятся на некотором отдалении друг от друга. Хотя детям нравилась подобная самостоятельность. Дронго несколько раз проходил мимо номера Фаркаша, но там было тихо. И только в пятом часу, когда он в очередной раз проходил мимо четырехста шестьдесят четвертого номера, он услышал громкий голос Фаркаша, говорившего по-английски.

– Я ничего не могу сделать. Он может не согласиться. Если у вас получится, то позвоните лучше послу. Мне кажется, он должен понять наши проблемы.

Его собеседник, с которым он, очевидно, говорил по телефону, что-то ему сказал, и Фаркаш громко запротестовал:

– Так нельзя. Он может отказаться сотрудничать с нами. Нужно найти другие варианты. Я попытаюсь использовать фрау Веронику Вурцель, но не уверен, что она сможет мне помочь. Вы же знаете, как она подвела герра Брекхауза. Он мне сам обо всем рассказывал. Возможно, удастся уговорить господина посла через его помощника Баграмова. Пока не знаю.

Собеседник снова что-то сказал.

– Нет, нет, – снова торопливо повторил Фаркаш, – я пока не принял решения. Мне все равно, кто именно мне поможет. Лишь бы мне помогли.

«Кажется, у меня уже развивается идиотическая шпиономания, – разозлился Дронго, громко постучав в дверь детям, даже не доставая свою карточку-ключ. – В конце концов, какое мне дело до всех их проблем! Или дети правы, и я стал таким классическим сыщиком, которому до всего есть дело. Сегодня мы встретим Новый год, а через два дня улетим – и больше никогда не увидим ни дочь президента, ни амбициозную семью Яцунских, не услышим про непонятные проблемы мистера Фаркаша или его знакомого Давида Модзманишвили. Все это останется в прошлом».

Дронго вошел в комнату, закрыл за собой дверь.

«Но, судя по всему, они напрасно собрались вместе на новогодний ужин, – подумал он, – ведь у них накопилось столько проблем, которые явно невозможно решить за несколько часов. Хотя какое мне дело, пусть решают все сами».

Передав сумку, о которой она просила, дочери, он вышел из номера. И увидел идущую к номеру Фаркаша уже знакомую блондинку. Кажется, Вероника Вурцель, которой Фаркаш не

советовал доверять. Дронго невольно усмехнулся и двинулся к своему номеру. Женщина шла ему навстречу. В этот раз она была в джинсах и темном пуловере.

– Добрый день, – приветливо поздоровалась она по-английски, – мы, кажется, уже не первый раз с вами видимся.

– Да, – сдержанно подтвердил Дронго, – мы уже виделись.

– Вы живете в соседнем номере? – уточнила она.

– А вы разве тоже живете на нашем этаже? – Ему не хотелось, чтобы она узнала о разговорах, невольным свидетелем которых он был.

– Нет, я живу на шестом, – улыбнулась она, – а здесь живет мой друг.

Дронго развел руками.

– Могу только позавидовать вашему другу, – любезно сказал он.

– У нас с ним только бизнес-интересы, – улыбнулась она, останавливаясь перед ним и вызывающе глядя ему в глаза. – Вы будете встречать Новый год в отеле? Придете на новогодний бал?

– Обязательно, – кивнул Дронго.

– Значит, там и увидимся. Меня зовут Вероника Вурцель, – она протянула ему руку.

Он назвал свое имя и фамилию. Ему не хотелось, чтобы она узнала о том, как обычно его называют. И тем более сказала бы об этом Фаркашу или Давиду.

– Очень приятно, – сказала она и постучала в дверь Фаркаша.

Дронго кивнул, доставая свою карточку-ключ и открывая дверь. Он вошел в номер и увидел Джил. Искушение подслушать, о чем сейчас будут говорить Вероника и Фаркаш, было огромным, но в присутствии Джил вести себя подобным образом просто неприлично. Он и так был не очень корректен, когда в номере у детей пытался подслушать разговор соседей. Может, он заранее чувствовал надвигающуюся трагедию? Возможно, сказывался его многолетний опыт. Когда переплетается столько интересов и люди так истово ненавидят друг друга, но все же собираются вместе, можно гарантированно ждать какой-нибудь неприятности.

До Нового года оставалось чуть больше семи часов. И никто в целом мире не мог знать, что это последние часы жизни одного из постояльцев отеля, приехавших на новогодний бал в Вену. Об этом мог знать только убийца, уже готовивший свое преступление, и никто больше. Об этом начал смутно догадываться Дронго, чувствующий, что восьмой столик окажется «проблемным», когда на новогодний ужин соберутся двенадцать человек, так непохожих друг на друга, но волею судеб оказавшихся вместе.

Глава 5

Он уговорил Джил спуститься к новогоднему ужину немного раньше. Официально все гости были приглашены к девятнадцати тридцати по местному времени, но было понятно, что многие придут намного позже. Однако уже к восьми часам он вместе с Джил и детьми спустился вниз, на второй этаж, где находился их столик. Нужно отдать должное расчетливым австрийцам. В отеле «Мариотт» был использован буквально каждый метр свободной площади. В кафе внизу все столики были сдвинуты таким образом, чтобы разместить на этой площади как можно больше гостей. На втором этаже вокруг лестницы и на веранде тоже были расставлены столики. Наиболее почетных гостей провожали в специальный зал на втором этаже. Там стояли столы, рассчитанные на двенадцать человек. Музыканты должны были играть на площадке второго этажа, и место, оставленное для танцев, было таким маленьким, что если бы все гости захотели одновременно танцевать, то просто не поместились бы на столь ограниченном пространстве. Повсюду были развешаны гирлянды цветных шаров, которые полностью закрывали обзор со всех сторон, создавая своего рода искусственные барьеры между столиками, находившимися на веранде.

В зале, где находился их пятый столик, уже были расставлены столы с едой и размещены огромные экраны, на которых можно было видеть все, что будет происходить на веранде и на обоих этажах просторного холла отеля «Мариотт».

– Довольно необычно, – сказала Джил, оглядываясь по сторонам. – Кажется, мы пришли первыми.

– Ну и прекрасно. Можем выбрать лучшие места, – кивнул Дронго.

Нужно отдать должное хозяевам. Пытаясь сэкономить на местах, они не выгадывали на еде, особенно в большом зале, где каждый из гостей заплатил довольно большую сумму за свой ужин и присутствие на этом новогоднем балу. На столиках была расставлена еда: от изысканных рыбных закусок до различных супов, горячих блюд и десертов.

За восьмым столиком пока никого не было. Минут через десять неожиданно появился Баграмов. Он деловито оглядел стол, почему-то поправил салфетку и подозвал официанта.

– Разве здесь не указаны имена гостей? – строго уточнил он по-немецки.

– Нет, – ответил официант, – гости могут рассаживаться в любом порядке.

– Это неправильно, – нахмурился Баграмов, – нужно поставить имена с табличками, чтобы каждый знал, где именно ему сидеть.

– Обратитесь к метрдотелю, – предложил официант, – нам никто не говорил про таблички с именами. Посмотрите на другие столы, нигде нет табличек. Гости могут садиться так, как им нравится.

– Так не должно быть, – разозлился Баграмов, – где ваш метрдотель? Я сейчас с ним поговорю.

– Почему он так нервничает? – спросил Дронго, обращаясь к дочери. Она перевела ему разговор. Каждый раз, когда ему приходилось просить о помощи детей, он испытывал некоторое смущение, словно собственное несовершенство делало его несколько смешным в их глазах. И хотя он владел английским, итальянским, турецким, фарси, с детства считал родными азербайджанский и русский, тем не менее незнание испанского, французского или немецкого очень сильно мешало ему.

Баграмов вернулся через некоторое время с метрдотелем. Он показал на два центральных места и попросил поставить здесь таблички.

– Мы не сможем быстро изготовить их, – с явным сожалением сказал метрдотель. – Вы хотите, чтобы там были конкретные имена?

– Нет. Достаточно будет, если вы просто укажете, что эти два конкретных места зарезервированы, – предложил Баграмов, – и поставите сюда две такие таблички. Надеюсь, они у вас есть?

– Мы все сделаем, – заверил его метрдотель. – А другие гости не будут возражать? Я имею в виду гостей за этим столом.

– Не будут, – ответил Баграмов, – можете не беспокоиться.

Он повернулся и, раздраженный этим инцидентом, быстро вышел из зала. Через минуту в зал ресторана вошел Давид, который обошел восьмой стол со всех сторон и вышел обратно. Зал постепенно начал заполняться гостями. К пятому столику, за которым сидели Дронго и его семья, подошли три человека: мужчина, женщина средних лет и совсем молодая женщина. Они уселись за пятый столик, вежливо поздоровавшись со всеми. Восьмой по-прежнему пустовал.

В половине девятого в зале появились Руслан и Амалия. Они прошли к столу, посмотрели на таблички «зарезервировано», установленные на двух креслах, обращенных в зал. У Амалии были светло-коричневые волосы, коротко остриженные по последней моде, немного вытянутое лицо, которое придавало ей своеобразный шарм, и светлые глаза. Она была в сером платье и туфлях на высоком каблуке. Руслану на вид было не больше тридцати. Открытое, спокойное лицо, темные коротко остриженные волосы, немного тяжелый подбородок. Он был в темном костюме и светлой рубашке без галстука.

– Где нам садиться? – спросила Амалия, взглянув на своего спутника. – Кажется, таблички предназначены только для Анвара Кадыровича и его супруги.

– Не думаю, – возразил рассудительный Руслан, – эти места наверняка приготовлены для посла и его супруги, нашей «Главной дочери». Ты ведь знаешь, что они сегодня должны сюда приехать и встречать с нами Новый год.

– Тогда давай сядем рядом с ними.

– Рядом нас не пустят, – снова возразил Руслан, – там устроится босс со своей женой, а с другой стороны – Иосиф Александрович со своей. Давай лучше сядем напротив. Так будет удобнее. Не будем занимать чужое место, и нас не станут поднимать, чтобы пересадить.

– Как хочешь, – улыбнулась Амалия, проходя к креслам, стоявшим напротив. Они не успели усесться, как в зал снова буквально вбежал Давид. Он в очередной раз обежал стол и плюхнулся рядом с Русланом.

– Почему сели здесь? – спросил он, оглядываясь по сторонам. – Так неудобно, лицом к залу. Давайте пересядем на другие места, раз уж мы пришли первыми. Уберем таблички и перенесем их сюда.

– А когда они придут, нам все равно придется подняться, – поморщился Руслан. – Лучше останемся на своих местах. Так будет удобно для всех.

– Ты всегда бываешь прав, – пробормотал Давид, – рациональный ты человек. В тебе явно нет кавказской крови. Только я сяду не рядом с тобой, а рядом с Амалией. – И он пересел на другое кресло.

Дронго поднялся, чтобы положить себе легкие закуски, заказал официанту бутылку шампанского. В зал ресторана вошли Яцунские. Иосиф Александрович был одет в черный костюм в тонкую полоску и белую рубашку с черной бабочкой. Его супруга была в длинном темно-синем платье, на котором поблескивала крупная брошь. Яцунский огляделся и устроился с левой стороны от табличек, рядом с ним уселась его жена. Он коротко поздоровался с Давидом, Русланом и Амалией. Его супруга бросила недоброжелательный и даже презрительный взгляд на последнюю, но ничего не сказала, усаживаясь между зарезервированным местом и своим супругом.

Дронго поставил свою тарелку на стол и решил выйти из зала ресторана. На площадке второго этажа уже настраивали свои инструменты музыканты, готовые играть всю ночь до утра. Дронго увидел, что по лестнице поднимаются Дьюла Фаркаш и Вероника Вурцель. Он был

в смокинге и бабочке, она – в черном коктейльном платье, заканчивающемся гораздо выше колен. Увидев знакомого, она приветливо кивнула. Дронго улыбнулся.

– Вы встречаете Новый год с нами? – уточнила Вероника.

– В зале ресторана, – показал Дронго.

– Прекрасно, – сказала она, – значит, сможем вместе провести новогодний бал. Вы хорошо танцуете?

– Не знаю.

– Значит, хорошо, – улыбнулась она. – До встречи.

Фаркаш кивнул, проходя мимо. Очевидно, этих двоих связывали какие-то непонятные отношения. Она до сих пор даже не подозревала, что Дронго понимает по-русски. В зале ресторана они устроились между супругами Яцунскими и Русланом с его компанией. Таким образом, за столом осталось только пять пустых кресел, зарезервированных за послем и его женой; с правой стороны от них, очевидно, будут сидеть Галимов и его супруга, а еще одно свободное место около Давида мог занять Баграмов, который уже побывал в этом зале.

За пятый столик уселись еще несколько человек: три пожилые женщины, которым было около шестидесяти, и один мужчина их возраста. Очевидно, это были местные жители, которые заказали места в «Мариотте», чтобы вместе встретить Новый год. Таким образом, за пятым столом уже были заняты одиннадцать мест из двенадцати. Дронго сел на свое место. Вероника сидела к нему спиной и не могла видеть его.

На часах было уже около девяти, когда в зал ресторана наконец вошли Галимов и его супруга. Он был в темно-сером костюме. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, какая именно итальянская фирма шила ему костюм по индивидуальному заказу. Галстук набивного шелка от другой известной фирмы был сине-стального цвета. Его жена была одета в дорогой черный костюм-тройку. На ее плечах красовалась своеобразная накидка, отделанная стразами.

Они поздоровались с каждым из присутствующих. Жена Галимова поцеловалась с супругой Яцунского, вежливо поздоровалась с Вероникой Вурцель и кивнула в знак приветствия Амалии, после чего Галимов убрал табличку «зарезервировано», чтобы усесться на это место. Иосиф Александрович предупредительно сжал ему руку.

– Мне кажется, эти места для наших гостей, – негромко сообщил он.

– Они сядут рядом с нами, – небрежно кивнул Галимов.

– Баграмов сказал, что таблички установили для них, – не унимался Яцунский.

Галимов явно колебался. Затем поставил табличку на место.

– У этих дипломатов и высокопоставленных особ свой этикет, – с коротким лающим смешком сказал он, – ну и черт с ними. Пусть садятся на свои места. Айша, перейдем на другие места, – он показал на кресла, стоявшие справа от табличек, и сам уселся за стол первым; супруга устроилась рядом с ним. Галимов обвел всех каким-то веселым и озорным взглядом. Похоже, что энергетике этого человека можно было позавидовать.

– Почему сидим такие грустные? – громко спросил он. – Почему молчит Фаркаш, я примерно себе представляю – у него проблем выше головы. А остальные почему такие притихшие и молчаливые? Давайте веселиться, все-таки Новый год. Пусть официанты подадут нам самого лучшего шампанского, – громко потребовал он, – а вы все улыбайтесь. Можно свободно и раскованно себя чувствовать, пока не появилась троюродная сестра нашей Айши. Как только придет эта высокопоставленная мадам, все мы сразу испуганно замолчим.

Кто-то улыбнулся его шуткам. Фаркаш мрачно нахмурился. Официанты принесли две бутылки шампанского и разлили его в высокие бокалы. Галимов поднялся, обращаясь к присутствующим:

– Выпьем за старый год. Он был у нас довольно удачным, хотя все считали, что он будет самым тяжелым в истории нашей компании. Но нам удалось выкрутиться. Благодаря вам всем. Будем надеяться, что новый год будет еще лучше.

Он выпил шампанское и уселся на место. Жена чуть пригубила из своего бокала. Остальные выпили, разом заговорив. Атмосфера стала чуть менее напряженной. Галимов весело обратился к Давиду:

– Как у нас дела? Все еще думаешь, что тебе делать? Боишься рисковать?

– Ничего я не боюсь, – ответил Давид, – просто пока взял тайм-аут. Это ведь мой основной капитал. Я должен распорядиться им разумно, чтобы не прогореть.

– Не прогоришь, – резко перебил его Галимов, – ты у нас человек опытный, все умеешь посчитать и заработать. У тебя это наследственное. Кажется, в советские времена твой отец даже фарцевал джинсами?

Давид покраснел, но ничего не ответил.

– В нашей стране Новый год уже наступил, – сообщил Галимов, взглянув на часы, – но раз все мы прилетели сюда, в Австрию, то отметим его по-австрийски. Жаль, что Злата не смогла прилететь.

– Больше всех об этом жалеет Иосиф, – сообщила Инна Яцунская.

Амалия нахмурилась, Галимов широко улыбнулся.

– Вы все еще не можете успокоиться, Инна, – сказал он. – Как только вернемся, я постараюсь вас помирить.

– Слишком много чести для нее. Я с ней не ссорилась, чтобы мириться, – возразила Инна.

– Тогда не нужно так бурно реагировать, – посоветовал Галимов, – поверьте, что у нас серьезная работа, и Злата выполняет ее очень добросовестно.

Инна вспыхнула, хотела возразить, но супруг сжал ей руку под столом, и она, дернувшись, промолчала. Анвар Кадырович удовлетворенно кивнул, уже не глядя на супругу своего вице-президента.

– Нужно будет встретить гостей внизу, у входа, – распорядился Галимов, – когда они приедут, Баграмов мне позвонит. Мы, конечно, с Айшой спустимся сами. Но пока нужно, чтобы там кто-то дежурил. Я думаю, что наши молодые на меня не обидятся, если мы попросим их об этом. Они еще успеют поужинать за счет нашей компании, – и Анвар Кадырович рассмеялся.

У Руслана потемнело лицо, но он безропотно поднялся первым. Амалия поднялась следом. Ничего не сказав, они быстро вышли из зала. Галимов довольно кивнул. «Этот человек делает все, чтобы его ненавидели», – с огорчением подумал Дронго.

– А мистер Фаркаш у нас глубокомысленно молчит, – продолжал изгаляться Галимов. – А нужно что-то сказать. Сегодня новогодний бал и ночь, когда случаются чудеса. Может, сейчас позвонит кто-то из венгерских банкиров и предложит вам консолидированный кредит на несколько миллионов долларов? Или вам нужно больше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.